

18+ Сергей Чернец

Чужие мемуары

Сборник рассказов

Сергий Чернец

**Чужие мемуары.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Чернец С.

Чужие мемуары. Сборник рассказов / С. Чернец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902117-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Встречаются на пути жизненном разные люди,
которые делятся своим пережитым, и автор запечатлел их истории, во многом
поучительные.

ISBN 978-5-44-902117-5

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Рассказ Белка	9
Рассказ охотника	16
Человек по имени «Луна»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чужие мемуары Сборник рассказов

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2018

ISBN 978-5-4490-2117-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Эпиграф: «Моисей 40 лет водил по пустыне свой народ. История повторяется: сегодня у нас пустыня – фактически власти нет никакой. И события, происходящие сейчас – совпадают с событиями, которые происходили с народом Моисея в той пустыне, аналогий можно найти множество».

Часть 1.

Не надо иметь филологическое литературное образование, чтобы написать воспоминания о своей жизни, – многие и пишут мемуары.

Собственно литературные произведения тоже автобиографичны очень часто. Но истинная художественная литература, это все же не просто воспоминания писателя. В своих литературных произведениях писатель отражает и показывает свое время, жизнь того времени о котором художественное произведение написано. А, кроме того, писатель показывает различные типы людей, разные характеры и выводит многие проблемы общества на суд читателя. И еще и еще можно сказать много умного о художественных произведениях литературы, – но об этом лучше знают ученые литературоведы и критики.

А в общем, можно сказать короче: писатель зашифровывает в своих произведениях множество информации – и о людях и об их взаимоотношениях, а также и об окружающем его мире. Иногда он это делает сознательно, а иногда даже не осознанно.

И только потомки находят множество смыслов, прочитав художественные произведения писателей. Например, на роман Достоевского «Преступление и наказание» написано сотни книг толкования по смыслу, о чем и сам Достоевский не подозревал. Поэты особенно много смысла вкладывают в свои четверостишия. Все знают катрены Нострадамуса. На расшифровку одного его четверостишия написано в среднем более 300 печатных листов. Представляете (!) сколько информации заложено в этих четырех строчках?!

И далеко не каждому дано в этом разобраться!

Внешняя форма художественного произведения скрывает истинную информацию от случайных людей, от тех кто не готов, без искажения точно, ее воспринять. Как, например, в сказках Пушкина многие люди видят только прямую мораль, но не все могут разглядеть пародию на общественное устройство, на осуждение неправильных социальных отношений, на критику общественного строя. Так царь Додон слушал своих слуг и верил всяким наветам: родила, якобы, царица... неизвестную зверушку.

Часть 2

В нашем обществе все сведения о мире ученых и писателей исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров и двумя-тремя остротами, которые приписываются то Пушкину, то Горькому, то Чехову: как «в человеке все должно быть прекрасно и лицо и одежда, и душа и мысли» или «рожденный ползать летать не может: гордо реет буре-вестник», «у Лукоморья дуб зеленый» и так далее.

Для образованного общества этого мало. Надо понимать и больше того, что «на виду», на поверхности художественных произведений. Почему. Потому, что от развлекательной и технической – истинная литература отличается именно своей гениальностью. А уж гениальность сродни ученому с большой буквы. Факт.

В науке такое же подразделение, как и в искусстве. Вот, бывает, сидит за столом в кабинете, низко нагнувшись над книгой или препаратом ученый, – трудолюбивый, скромный, но бесталаный человек, лет тридцати пяти (сорока), уже плешивый и с большим животом. Работает он от утра до ночи, читает массу, отлично помнит все прочитанное – и в этом отно-

шении он не человек, а золото. Но в остальном, ведь это рабочий конь, а по-другому – он «ученый-тупица». Характерные черты, отличающие его от таланта простые: его кругозор ограничен своей специальностью, вне своей специальности он наивен как ребенок и не знает сути, а только верхи, если еще знает вообще что-нибудь, кроме своей специальности. Бывают такие же литераторы, называющие себя писателями, а пишут только об одном и только одним стилем.

Другая черта такого «просто ученого» – фанатичная вера в непогрешимость науки. Он уверен в самом себе и совершенно незнаком с сомнениями и разочарованиями, от которых таланты седеют. Отсюда рождается рабское поклонение авторитетам и отсутствие потребности самостоятельно мыслить. Разубедить такого ученого «работягу» очень трудно, спорить с ним невозможно.

Попробуйте поспорить с человеком, который глубоко убежден, что самая лучшая наука – медицина. От недоброго медицинского прошлого уцелела одна традиция – белый халат.

Будущность такого «работяги» ученого, и будь то хоть и литератор, называющий себя писателем, – представляется очень ясно. За всю жизнь он приготовит несколько препаратов, напишет много сухих очень больших рефератов, статей, – но «пороха» или теории не выдумает. Для «пороха», чтобы его изобрести, нужны были: и фантазия, и изобретательность, умение угадывать, мыслить нестандартно. Короче говоря, такой ученый или писатель не хозяин в своей науке, а работник.

Работники тоже нужны, они создают массу тех знаний, из совокупности которых потом может что-нибудь и получится великое и большое.

Настоящий талант и гений, как хороший дирижер. Руководя оркестром, передавая мысль композитора, дирижер делает сразу много дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движения в сторону то барабана, то скрипки и прочее. Тоже самое делает и настоящий ученый, и талантливый писатель. Перед его взором не один человек, но множество людей, для которых и творит и ученый и писатель. И цель тут другая, чем просто рассказать, цель донести до возможно большего числа людей свои находки мысли. Поэтому каждую минуту, пока он творит, он имеет ясное представление о степени внимания общества людей и о силе разумения человеческой массой всех знаний, которые он намерен передать. Надо иметь ввиду, что это делать не просто, нелегко и дано не всем.

Другое нелегкое дело сидит в нем самом, в писателе или ученом, когда он работает, на благо людей, создавая свои произведения. Это – бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. И ученый, и писатель должен иметь понятие выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное; и так облекать мысли в форму, которая была бы доступна разумению массой людей и возбуждала бы ее внимание к проблемам, которые для писателя важны. И тут надо стараться, чтобы речь была литературно правильна, определения краткие и точные, фразы и выражения по возможности простые и красивые. Одним словом – работы тут немало. И во всем нужна мера: приходится в одно и то же время изображать из себя и ученого и педагога, и плохо дело, если ученый победит педагога или наоборот.

В общем, из всего сказанного исходя, можно заключить: что нелегкое это дело – создать, именно создать, хорошее художественное произведение. Да хоть бы и из воспоминаний своих, из мемуаров.

Часть 3

К несчастью, я не ученый философ и не богослов. Мне отлично известно, что проживу я на свете еще совсем немного – близится смерть. Казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробной жизни и о тех видениях, которые встретят меня за могильной чертой. Но почему-то душа моя не хочет знать умных филозофско-богословских вопросов, хотя разум осознает всю их важность.

А присутствует в душе моей, как тридцать и сорок лет назад, вера в силу искусства и науки: красота спасет мир, а научный прогресс облегчает существование людей. Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, наверное, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека и что только наукой одной человек победит мир (природу) и себя. Вера эта, быть может, наивна и несправедлива в основе своей, но я не виноват, что верю так, а не иначе и победить эту веру в себе я, наверное, не смогу.

Сегодня мы увидели вокруг искусства так называемых продюсеров и еще так называемых спонсоров. Они не играют и не поют, у них имеется, как всегда свой бизнес: по продаже роялей или тех же музыкальных дисков. Но они, эти близко стоящие к искусству люди, контролируют всех звезд и регулируют искусство. Они, эти продюсеры, распоряжаются и музыкой и самими музыкантами, и с ними все соглашаются. Грустно, но такое дело...

Богатые люди всегда имеют около себя приживалов, науки и искусства, к сожалению тоже. И, кажется, нет на свете такого искусства или науки, которые были бы свободны от присутствия «инородных тел», вроде влиятельных спонсоров. Если ученый не хочет ни с кем считаться, – тогда он рискует погибнуть в забвении. Только через года и даже века бывают признаны некоторые таланты и гении, а при жизни они умирают в нищете и забвении. Разве Гомер зависел от спонсоров или он работал по их указке. Так же и Ван Гог – не делал то, что нравилось спонсорам, и за это он окончил жизнь в дурдоме.

Жалко все это осознавать, но ничего невозможно изменить. Печально. А все-таки я верю, что наука и искусство победят все препятствия рано или поздно.

Моисей, в конце концов, вывел свой народ в землю обетованную, хотя сам в нее не вошел.
Автор.

Рассказ Белка

Часть 1

Детство всегда и всеми вспоминается как сказочное время, – когда деревья были большими, как в одноименном фильме. Так и мне часто видятся яркие детские события.

– Белка, дай пас – кричит мне Толяба, парнишка из соседнего дома. Это, помню, как мы играли в хоккей в проходе между домами, из двора на дорогу к школе. Тут всегда намерзал толстый слой льда, с крыши капала и стекала вода. И чтобы не ходить далеко на школьный каток, мы играли в хоккей рядом с домом. Как хорошо, как здорово это было! Играли до темноты. Домой придешь усталый, мокрый, извалявшись в снегу на льду, – но довольный и счастливый.

Такие счастливые минуты из своего детства каждый может вспомнить о себе.

Но память возвращает нам, как в калейдоскопе, не только звездочки, но и треугольники, квадраты и круги. И мы вспоминаем не только хорошие события, отпечатанные ярким пятном в нашей памяти, но и плохие.

Мы всегда играли в ближайшем парке, а до его надо было перебежать дорогу с быстрым движением машин. Тогда нас было трое: Толяба, я и татарин, Санька «Мансур». Перебежал первым Толяба, за ним, перед самой машиной перебежали дорогу мы с Мансуром.

Я успел проскочить, а Мансура сбивла машина. Его откинуло на середину дороги, а встречная машина передним колесом переехала ему грудь и затормозила со скрипом и визгом. Это было ужасно. Было страшно, так что я застыл на месте. Толяба первый опомнился: он схватил меня за руку и потянул в парк: «Белка, бежим!».

Машина сбившая Мансура остановилась, скрипя тормозами, сразу же. Остановилась и другая встречная, так что Мансур лежал у задних колес под той машиной, которая переехала его по груди передним колесом. Я опешил, глядя на все что случилось на моих глазах, стоял застывший, пока меня не взял за руку и не потянул Толяба.

Тогда мы убежали в глубину парка и спрятались среди деревьев и кустов. Ходили до вечера потом в других окрестных дворах. Рассказывали друзьям и знакомым, что Мансура сбивла машина. Но домой все-таки надо было возвращаться. Нас тогда на другой день нашли в школе. Приходил милиционер, расспрашивал....

Это только одно из всех ужасных событий, которые произошли в моем детстве. Были и другие.

Я почему вспомнил про Мансура. Просто с этого все и началось. Ведь я занял потом место Мансура среди нашей местной шпаны.

Мы жили на краю города, в «Жилиных» дворах. Был такой Жилин Миша, который всех говорят бил и все его боялись. Раз я тоже попался к ним. В школу пошел не по дороге, а решили мы, с одноклассником, срезать, через дыру в заборе пройти. Там перед школой дом строили.

Только пролезли мы на стройку, а там трое парней старшеклассников стояли и курили. Они учились в 8-ом классе. И с ними был «Жила», который недавно с малолетки освободился. Они тогда забрали у нас все деньги. А как раз мне мать дала 1р 25к, за школьные обеды тогда платили. Так я и не обедал в школе всю неделю потом, маму обманывал, не сказал, что меня ограбили. Но это было еще за год до смерти Мансура.

А когда Мансур умер – я попал в друзья с тем же Жилой. Они все на голубятне собирались на пустыре за двором. А голубятня была Рифата татарина, он с Мансуром родственник. И когда Рифат узнал, что мы с Толябой друзья у Мансура были, он привел нас к своей голубятне и со всеми познакомил.

«Белкой» меня звали в детстве, потом я стал «Белый». Многим в детстве прозвища дают. Вот и Толика, моего друга, прозвали «Толяба». А у меня и фамилия была Белавин, но прозвали в школе, еще в 1-ом классе – «Белкой».

Это в детском кино хорошо показано: в фильме «Кыш и два портфеля». И фамилия в фильме у мальчика была Сероглазов – а прозвали его «Два портфеля». А у меня знакомый есть – его зовут сейчас «Жаба», он не обижается. Но в детстве он был «Лягушонок», и это мало кто знает теперь, только самые близкие его друзья. Вот и меня все зовут Серега Белый, и совсем мало кто помнит, что я был «Белка» в детстве.

Времена тогда были хорошие, скажу я вам, с сегодняшними не сравнить. И жили мы хорошо.

Отец у меня – Белавин Михаил, работал прорабом и в своем стройтресте на доске почета висел. И мне родители ни в чем не отказывали: велосипед купили, ещё когда я в школу только пошел. А потом, уже в классе 6-ом, купили мне гитару и самоучитель. И я выносил гитару во двор: учился у старших ребят «брякать» дворовые песни.

Только все одно к одному сложилось у меня в жизни. Все пошло наперекосяк.

Сначала мама моя, работая в больнице, заразилась, и после долгой болезни – умерла. Это было как раз в то время, когда я начал с гитарой своей на голубятню к Рифату бегать. А Жила умел неплохо играть на гитаре, вот мы и подружались. Но тогда я стал и школу пропускать, уроки. Тогда я стал и учиться все хуже. Потому что отец с работы часто стал пьяный приходиться. Он не ругался, нет, – наоборот, он давал мне по пьянке деньги, и по многу. Наверное, с год, он все пил и «сорил» деньгами. И друзья какие-то приходили к нам, и устраивали пьянки...

Для меня это была «райская жизнь», я ходил с деньгами и покупал что хотел. Начал я тогда курить и вино уже распробовал не раз, после пьянок дома всегда оставалось. Но недолго продлилась такая «райская» жизнь. Отца вскоре забрали и посадили в тюрьму. А домой ко мне приехала его мать-старушка, бабушка. Оказывается, отец торговал стройматериалом. Он был прорабом и продавал плитку кафельную и даже кирпичи...

Мы стали жить с бабушкой вдвоем. Отцу тогда 8 лет сроку дали, за хищение в крупных размерах. А бабушка пыталась меня перевоспитать. Но было поздно, ничего у нее не получилось.

Я прожил с деньгами легкой жизнью с отцом и привык к бесконтрольности. И это был 8-й, последний класс в школе, знаменитый переходный возраст.

Вдруг денег у меня не стало, а уже нужны были деньги на сигареты и на расходы, к которым я привык. Достать деньги мне предложил тот же Жила. Он учился в ПТУ на слесаря. И вместе мы пошли с ним и с Толябой (как же я без друга, без него я никуда, мы тогда были друзья с Толябой – «не разлей водой») – на первое свое дело. Как и что – без подробностей, но взяли мы тогда не очень много. А все я смог проделать. Я тогда был худой и небольшого роста. Меня подсаживали в форточку, а потом я открывал окно, и все залезали. Так мы с Жилой несколько раз еще ходили – как «форточники». Но обо мне узнал один из местных карманников и предложил пойти с ним на «пропаль» поработать...

Это было, когда мы пришли после очередного «форточника», принесли вещи к Голубю на «хату», там за них нам деньги дали. Этот Голубь тогда «фарцевал» в привокзальном районе. Он скупал краденное по дешевке, и все жулики ему несли. Мы тогда решили «обмыть» – Жила сбегал за вином, по 1р 42к (руб-сорок-две) агдам было, как помню. И пришел на ту хату к Голубю – «Полкоша», мужик старше 50 лет. Так мы и познакомились там. Полкоша не обижался за такую «кликуху», и даже более того, никто и не знал, как его точно зовут, – ни фамилию его... (так, наверное, ему лучше, что не знают, подумал я тогда и почти был прав).

Вот Полкоша меня и присмотрел. Я выглядел младше своих лет, – смотрелся, как пионер-пятикласник, вот что ему тогда понравилось.

А когда пошли мы с ним работать, – и точно, я одел школьную форму и красный галстук и портфель взял.

Вот так я познакомился с настоящими жуликами, с ворами. Полкоша жил в районе частного сектора на окраине города, у какой-то бабы в своем доме. К нему по вечерам иногда собирались друзья его – все неоднократно судимые. Не часто, но я тоже бывал на их «вечеринках». Кстати пили они не так много, как обычно мужики у нас пьют – до «свинячего состояния», у Полкоши все было в меру. Много романтического я узнал тогда «из первых уст», от самих воров. «Карманники, – они как фокусники, понимаешь, – говорил Полкоша – это виртуозы! Учись пока я живой!».

Как раз в это время показывали фильм про Доцента – «Джентльмены удачи», где он говорил знаменитую фразу: «Украл, выпил – в тюрьму, – романтика!» Так мне, на тот период, рассказы самих воров-карманников действительно казались романтикой. Тем более, я наглядно видел как «работает» Полкоша. Он мог снять часы с руки человека так, что тот и не почувствует...

Как люди жили в Советское время у нас, теперь молодые знают только по фильмам. Но как говорила управдом в фильме «Бриллиантовая рука»: «наши люди в булочную на такси не ездят» – это было верно.

Общественный транспорт был всегда переполнен, люди ездили на автобусах и утром и вечером был «час пик». Вот мы и работали с Полкошей по утрам и по вечерам на «подсаде» и на маршруте.

Начинали с вокзала, когда утром рано, в 6ч 30м приходил Московский поезд.

Люди спешили к автобусам с сумками и чемоданами. Они, перед остановкой, перед автобусом, доставали кошельки, готовили деньги за проезд. А Полкоша присматривался и запоминал, куда, в какой карман кошелек возвращался. Он запоминал не одного, а многих людей. И мы «садились», залезали в автобус. Полкоша «подсаживал» пассажиров, а я на «пропаль» держался за ним, как хвост и только успевал принимать кошельки, складывая их в свой портфель. Потом я бежал к другой двери (или от задней к передней или наоборот), и мы оказывались в разных концах автобуса. По пути проезда кто-то выходил, а кто-то входил, и в автобусе случалось движение людей на каждой остановке. Полкоша двигался в мою сторону, а я в его сторону, так мы встречались в автобусе. Тогда я выгребал у него из кармана, наложенные туда кошельки, часы и даже кулоны и браслеты. Тут же, получив сигнал от Полкоши – моргание глазами, я выходил из автобуса на ближайшей остановке. С портфелем, нагруженным кошельками, я шел в сквер на наше место встречи. Вскоре подходил и Полкоша, но он проходил мимо, а я ждал и смотрел – нет ли за ним «хвоста», слежки. Только потом мы шли на набережную, к стоку от «ливневки», место было укрытое от посторонних глаз. И там мы разбирали все, что «наработали», кошельки кидали в реку.

После этого, подсчитав «выручку», как всегда мы шли к «фарце», чаще к Голубю, но и к другим тоже ходили, – и «скидывали» им часы и прочие вещи. Только тогда Полкоша давал мне деньги, и мы шли по домам. Это было утро, так мы «работали».

Другое дело – вечер. Тут и маршрут другой, – от заводов до рынка и от рынка до вокзала. Работали мы с Полкошей не каждый день, но здорово и долго, около двух лет, пока я учился в школе....

Но, случилось, за ним, вдруг, пустили менты хвост – это я первый заметил, не зря Полкоша заранее страховался и учил меня смотреть.

Мы пробовали «оторваться», как раз у нас деньги были на исходе, кончились, и надо было подзаработать. Но как только Полкоша появлялся на вокзале, сразу я видел «хвост», – «штатского» мента, без формы, обычный человек, вдруг, начинал за Полкошей следить. Полкоша решил рискнуть на другой день. И мы поехали по маршруту, без «подсада». Где-то у рынка уже, я только что сработал на «пропаль» незаметно, Полкошу взяли с двух сторон под руки

и вывели из автобуса какие-то люди, явно с ментовскими мордами. Они не обратили на меня никакого внимания, что привлекательного в мальчике. Автобус еще стоял, и я слышал, как женщина запричитала: «точно украли мой кошелек, ай! Ай! Ай!» Но я тут же слышал, как Полкоша говорил этим «операм»: «начальник, да я завязал давно ты чё!» Автобус поехал дальше, и я «пропал» вместе с кошельками, – вот он – «прОпаль»!

Я знал, что Полкоша пустой, и радовался по-своему, что ментам ничего не досталось! Тут уж, действительно, романтическое чувство игры в самой реальности врезалось мне в юное сердце. Это первое чувство настолько запоминающееся, что его уже в дальнейшем было не вытравить, оно-то и захватило....

Еще больше романтичного я узнал потом из рассказов Полкоши. Его тогда отпустили через 48 часов, больше не смогли его держать. И вот он рассказал много опасностей для воров того времени.

В Советское время милиция работала лучше. В каждом крупном городе были специальные группы оперативников для борьбы с карманными ворами. В городе Свердловске, где один раз Полкоша попался, женщина «подставлялась» под воровство. Она ложилась кошелек в авоську на виду и нарочно отвлекалась. Оказалось, она майор милиции и чуть ли не руководитель группы оперативников.

А в Ижевске, тоже майор, которого потом до полковника повысили, вообще зверство придумал: он вшил в края кошелька лезвия бритвенные. И Полкоша попался, он порезал пальцы до кости и конечно, вскрикнул, – кошелек-то он сжал, когда хотел его спрятать.... На рынках и на вокзалах всегда есть вторые этажи, балконы, так что сверху стоят оперативники в штатском и смотрят в зал – приглядываются. Романтика от опасности становилась еще заманчивей для меня, тогдашнего пацана.

Хоть милиция и работала, но ворики тоже были хороши, из рассказов Полкоши.

Еще в 50-е годы приехал мужичок из деревни и ходил по рынку. Ему видать про карманников говорили, что деньги из кармана украдут в городе. Так он решил деньги в руках держать и руку из кармана не вынимать. Так и ходил он, как однорукий, все руку из кармана не вынимал. И что с ним придумали ворики! – они плюнули ему на предплечье свободной руки большую зеленую соплю. Ужас. Он тянулся этой свободной рукой с платком и не мог убрать соплю, а когда вытащил другую руку, взял платок и вытер плечо, его толкнули, а деньги-то и вытащили. «Заплакал мужичок, как малый ребенок, прости Господи!» – говорил с юмором Полкоша.

А вот еще, – баба деревенская приехала и деньги она прятала в чулок на ноге, завернула и резинкой прижала на ляжке около самого паха. Сверху рейтузами закрыла, да одела две юбки. Ее бабы «воровайки» заприметили в туалете, – когда чуть-чуть достанет, две десятки, а остальные – целую пачку денег, завернет опять в чулок. Она приценилась к чему-то, хотела купить, и пошла в туалет деньги доставать. И сколько крику было: выбежала баба из туалета на люди и орала во всю глотку: «вырезали гады, из под пи... вырезали!». «Разрезали ей сзади юбки ее и чулки с рейтузами, как она не чуяла?!» – громко смеялся тогда Полкоша.

Из этих и многих других рассказов, так мне понравилась этакая «тайная» и богатая жизнь.... Денег у меня было теперь всегда много. И жил я с бабушкой припеваючи. Она наверное что-то подозревала, но ничего не могла сделать, только охала. Вот, скажет мне, например, ботинки, мол, у тебя плохие, я с пенсии куплю тебе новые. А «не успеет оглянуться» – на другой день я уже в обновках хожу. На вопрос: где взял? – всегда уклончивый ответ – друг подарил (!) или еще что-нибудь невразумительное скажу: типа – «отстань бабушка» – сам знаю, нашел, по дороге шел и нашел.

С этой работой, однако, и под наставлениями моего «учителя» Полкоши я и учиться стал лучше. Стал я спокойнее, но как-то умудреннее. Как будто резко повзрослел. Ведь, я знал много «такого» из взрослой «настоящей» жизни, такого, что пацанам – детям и не снилось.

И тогда я стал из Белки – уже Серегой Белым. И Серега Белый вскоре заменил в нашем районе Жилу, которого посадили в тюрьму надолго. Тогда Жилины дворы, наш район, стали называть районом Сереги Белого. «Это там где Белый живет!» – так ориентировались в нашем районе все пацаны. «У Белого во дворах» – говорили между собой шпана. Ну, конечно, я же ходил со старшими парнями на сборищах при голубятне у Рифата я держал себя «с гордо поднятой головой», уже не «прыгал, не скакал», как мои сверстники, но чувствовал себя гордым «графом, с голубой кровью», «авторитетом»!

Однако к такому положению не сразу дело повернулось. Не сразу меня во «дворах Жилиных» стали уважать и бояться. Ведь я выглядел моложе своих лет, – точно: на «пионера!» похож был.

Случай всему виной. Один из пацанов, на год-два постарше меня, по прозвищу Чемодан (фамилия такая, наверное) – был как-то пьяный и решил видно перед остальными покрасоваться «вЫпендриться». Этот Чемодан с несколькими мальчишками и среди них были еще девчонки из соседнего дома, – сидел около подъезда на лавочке и о чем-то «брехал», рассказывал о своих каких-то «подвигах».

Он стоял на учете в детской комнате милиции за хулиганское свое поведение. По «фене» я знал, что он простой «баклан» – так звали драчунов.

Так вот, я проходил мимо. И было еще не очень темно, вечер, осенние сумерки, когда во дворе гуляли подростки. Кто-то сказал Чемодану, под «пьяную лавочку»: что вот, мол, Белый идет, из «блатных» будто бы, из «авторитетов». И показалось Чемодану обидно, что его не признавали, а про меня отозвались с каким-то уважением. Тогда он окликнул меня, остановил и резко ударил по челюсти, разбил мне губу. Я чуть не упал, но понял, что этот «бакланюга» пьяный сильнее меня... Пришлось мне убежать за дом от него. И сразу же пошел я к Рифату на голубятню с разбитой губой. Там старшие парни, узнав в чем дело, быстро сбегали во двор. Чемодан во дворе сидел и похвалялся на лавочке перед пацанами. Его быстро привели, чуть не за шкирку на голубятню. Пришли вместе и пацаны, мои сверстники, которые там были во дворе. Тут, на голубятне, где все «свои» только были, вдали от глаз взрослых, устроили «расправу» над этим «бакланом» Чемоданом. Сказали мне: «получи с него по праву» – бей его при всех по морде, чтоб неповадно было на кого попало руку поднимать. А ему угрожали расправой: сейчас мы тебя так отделаем, мать родная не узнает! И я тогда дал этому Чемодану раза три кулаком в лицо, поставил ему синяк под глаз.

После этого случая и стали бояться меня все, потому что история эта стала известна всей школе и всей округе, не только в наших Жилиных дворах.

Потом мы помирились с этим Чемоданом, и как то вместе ходили и в соседские дворы, ходили на речку купаться и он даже защищал меня и от своих, и от чужих...

Но через год, я уже совсем возомнил себя, и в моем характере появилась и жестокость.

Событие, которое укрепило мой «авторитет» окончательно, произошло после экзаменов в школе.

Я закончил 8 классов очень плохо и экзамены сдал с трудом, на все тройки. Настроение мое было совсем плохое. И не радовал меня теплый цветущий май и приближающееся лето. В тот раз я в первый раз напился до пьяна, так, что потом блевал и болел дня два.

Мы пьянствовали в детском садике, на веранде. Вечерами раньше мы ходили в тот детсад играть в карты. Там за забором и за деревьями и кустами нас было невидно для взрослых. А в тот раз набрали водки и вина и пива, и устроились на детской прогулочной веранде. Были одни мои одноклассники. И был у нас в классе парень, которого за глаза все прозывали «Кри-

вой». В школе он всегда обижался на такое свое прозвище. А вот тут, по-пьянке я с ним сцепился.

Как и что случилось, я не припомню, но стали мы с кривым Санькой драться один на один. Он был выше меня ростом, а вот по мышечной силе мы были равны – оба пьяные еле стояли на ногах. Я все наскакивал на него первым, а он как-то отбивался, что я все время оказывался на земле. Все одноклассники вокруг только смотрели на нашу драку, как на зрелище и не лезли нас разнимать. Но когда уже у обоих из разбитых носов хлестала кровь, – нас разняли и увели по домам.

На другой день я узнал от одноклассника Славы, что я был страшен в гневе, я победил в той драке и все даже испугались, что «прибью» «кривого» насмерть. Через день я ходил извиняться, тот Санька лежал дома со сломанными ребрами, 3 ребра я сломал ему, когда пинал ногами....

Но и на этом в тот май не прошла моя «злость на весь мир». Все парни шли в 9-й класс, а мне оставалось, как плохому ученику, идти в ПТУ, работягой – неучем быть....

И вышел я на улицу «развяться». Но вот, случилось, что пацаненок меньшего возраста, вдруг, назвал меня «Белкой-стрелкой», как бы оскорбительно что-ли или мне так показалось тогда по настроению – очень оскорбительно. Я психанул почему-то, и сильно обиделся. Под руку попала мне проволока стальная, валялась тут около строящейся во дворе трансформаторной подстанции. Пацаны играли там в канаве, прыгая через канаву, где тянули к подстанции провода. И этой проволокой я стал хлестать мальчишку оскорбившего меня. Он было побежал. Но я подставил ему подножку, и упавшего его хлестал и хлестал проволокой со всей силы. Пацан визжал, как резанный поросенок, а я не останавливался долго.... Осознав, что я надделал, я убежал со двора в город. И потом долго, до ночи не приходил домой. Бабушка встретила меня ночью дома вся расстроенная и обсказала: что и милиция была у нас и что меня ищут, а мальчишка, которого я «избил» лежит в больнице....

Вот с этого дня и началась другая моя настоящая жизнь. Был суд. Мне дали 2 года по малолетке. А когда я освободился, то не было у меня уже никого на свете. Бабушка умерла. И умер отец в тюрьме, я еще в зоне на малолетке узнал. Квартиры у меня не было. И, конечно, я пошел к ворам, к своим карманникам. Они-то быстро меня пристроили, и работу нашли. Много я воровал и опять сидел за воровство – 3 года.

Потом немного на воле, «гастроли» по советскому союзу, – и новый срок. Не успев освободиться – на 5 лет за ограбление магазина сел. Так я стал вором-рецидивистом, признан по 24-й статье УК СССР. А теперь вот скоро 50 лет мне будет и ничего-то я хорошего не видел в жизни....

Часть 2

Такую откровенную исповедь я услышал от человека прожившего безрадостную, в основном, жизнь. Это не было исповедью, а скорее «откровением помыслов» – как это определяется в нашей Православной вере. Человек, Сергей Белавин, не говорил мне о грехах своих, он просто рассказал памятные и осознанные события своей жизни. «Прости мне, батюшка», – говорил мне Сергей, – «не умею я и каяться и исповедоваться, но ты и так все знаешь!». А мне много похожих и еще похуже этого историй было известно много.

Когда в 1991 году священнослужителям разрешили посещать «зоны», колонии заключенных, я стал приходить к ним. Говорил сначала проповеди в клубе. Потом в колонии организовали молитвенную комнату, и мы стали проводить молебны.

Многие люди тянулись к Вере, к Богу, принимали активное участие в организации молитвенных комнат, читали Библию и другие христианские книги....

Так и Сергей Белавин был одним из «активистов» религиозного движения среди осужденных. Он вышел на свободу и приехал к себе на родину. А там он устроился на работу при

православном Храме. Так он написал мне в письме, мы поддерживали с ним переписку долгое время....

Конец.

Рассказ охотника

Осенней порой вышел из дома охотник. Только вчера выпал первый снежок. В тайге было тихо. Природа будто замерла в ожидании зимы. Неслышно было уже летнего щебета птиц. До таежной «заимки» шагать охотнику было далеко.

Он еще дома встряхнул свой рюкзак, чтобы ничего в нем не брэнчало. Такая привычка, хотя он не хотел же охотиться сразу.

Снега в лесу было не так много, земля еще чернела под елями. Но на чистых местах, на припорошенной белой земле, видны были звериные следы. Охотнику было видно: вот прошел соболь, а вот и белка соскакивала и перебегала с сосны на сосну. «Будет чем „пожиться“ в эту зиму» – подумал про себя охотник. Особого плана – задания не было, но шкурки надо было добыть, – чем больше, там лучше. Охотхозяйство требовало...

Заимка охотника была на берегу маленькой лесной речки. Западная Сибирь полна болот, маленьких лесных озер и речек. Вот и эта речка начиналась где-то в болотах, и текла между небольших сопок к Иртышу. Вдоль реки охотник ставил капканы на норку и ондатру. В тайге, среди валежников, находил он тропы соболей. А на белку он ставил «плахи-ловушки»: бревно на бревно, приподнятое одно над другим наискосок, с одного конца, так, что верхнее падая, придавливает белку.... Умелый охотник за сезон добывал шкурки зверей во множестве, прилично зарабатывая для Охотничьего хозяйства.

Охотник подходил к своей заимке и будто бы вздохнул полной грудью, ощутив облегчение.

Бывает огромная разница между прекрасным, свободным, ничем не омраченным миром природы, таким тихим, в эту первоснежную осень. Между спокойным и непостижимым миром, – и со столь же непостижимой нашей повседневной суетой, с ее ничтожными скорбными тревогами и спорами....

Дверь домика, заимки, всегда была припертая палкой, – не закрывалась никогда ни на какие замки. В тайге люди доверяли друг другу. А сейчас он нашел, что палки у двери не было: значит, подумал охотник, кто-то посетил его таежный домик. На заметенном снежной порошей крыльце следов никаких не было. Снег перед заимкой лежал нетронутым, как выпал вчера. Все это отметил про себя охотник, и спокойно открыв дверь, вошел в свою избушку.

Из маленькой прихожей он открыл дверь в комнату с печкой. На нарах раздался стон, – кто-то лежал под одеялом и тулупом. Охотник увидел взлохмаченную голову, мокрый в бисеринках пота лоб и спекшиеся губы, из которых исходил стон. Человек лежал с закрытыми глазами, в беспомощности, и стонал.

Охотник бросил рюкзак у дверей, взялся за кружку на столе, нашел в углу ведро с водой, стоящее на табуретке. Он подсел к человеку, обтер пот с его лба полотенцем, схваченным на ходу с вешалки около печки. Он напоил человека водой, приподнимая одной рукой его голову от подушки.

Человека лихорадило, он даже бредил. Он был больной. И два дня охотник хозяйничал и кормил с ложки незнакомого постояльца. Он топил печь, варил копченое мясо и кормил бульоном больного. В бульон добавлял он фарш того же вареного мяса. Потому что: главное для здоровья – питание, как он считал. И больной поправлялся.

Когда ему через два дня полегчало, они познакомились и разговорились. Больной поднялся и сел к столу, где охотник приготовил поесть и попить заваренные травы.

– Как хоть зовут-то тебя? – начал разговор охотник.

– Миша я, Гаврилов, – еще неустойчивым голосом сказал больной.

– Ну вот, а я Гришка-охотник. Меня все в деревне «охотником» зовут. И работаю я в Охотхозяйстве. —

– Да, – и Миша пожал протянутую охотником руку.

– Ты пей, Миша отвар, это лекарственные травы, – говорил охотник. Он видел, что Миша Гаврилов чувствует себя еще неловко, стеснительно. И поэтому начал сам рассказывать о себе, чтобы вызвать ответную реакцию, как в психологии: чтобы Миша, потом рассказал о себе.

Григорий-охотник все время прожил в тайге. И был немного «умудренный». Он с детства полюбил чтение книг, ходил в поселковскую библиотеку. И на зимовье, в тайгу, он тоже брал с собой книги. Сначала, они охотились с отцом, отец все ругался, что Гришка переводит керосин. Но советская наша страна была действительно самой читающей страной в мире. Сейчас Гришке-охотнику было уже больше 50-ти лет, и он давно охотился один, свою заимку построил сам себе.

Природа – общение со зверями, наблюдение за повадками диких зверей, сделали Гришку-охотника хорошим психологом. Он научился легко понимать людей, видя в их делах и поступках такое же поведение, как у животных.

В поселке Гришка был «душой общества» – праздники и вечеринки, свадьбы и гулянки – были его, Гришкины «праздники». Его приглашали в качестве «тамады», хотя это слово местным таежникам не всем было известно. Гришка и на работе в охотхозяйстве, слыл балагуром, много рассказывал интересного из прочитанных книг и из наблюдений за соболями и белками. А уж про зверей-то он знал много: всю жизнь со зверями в тайге. За балагурство, несмотря на возраст – его все звали до сих пор Гришкой.

Вот и с незнакомцем, с больным Мишей Гавриловым, он быстро нашел общий язык. «Откровенность на откровенность» – Гришка-охотник рассказывал о себе открыто и честно, располагаяще к взаимности. Вот и Миша Гаврилов откровенно и честно признался: «Да в бегах я, скрываюсь вот, тюрьма мне светит!» – сказал он невесело и начал рассказывать свою историю.

«Я недавно, полгода, как освободился с последнего срока. Домой решил не ехать. Останусь, думаю, в Сибири, подальше от всех бед, – да, опять накладка получилась». Миша даже усмехнулся:

«А за что последний срок дали!? – представь! – за пощечину 3 года отсидел. Да – да! Все надо мной смеялись. Женщине пощечину дал, а сроку намотали, как настоящему жулику».

С этого начал свой рассказ Миша Гаврилов.

Он родился и вырос в пригородном поселке в Мордовии, около г. Саранска. И испортила его жизнь одна девушка. «Любовь – его подвела» – как он выразился. Но может это и любовью назвать нельзя: потому что его «приворожили». В Мордовских деревнях находились старушки, которые колдовали и привороты творили. Он потом узнал точно, от других старушек, которые похоронили свою подругу и не могли снять «то», что она приворожила на Мишку.

Девчонка, которую он не хотел даже замечать – приворожила его к себе у самой сильной ведьмы Мордовской. Старушка, вдруг, скоро умерла. А девчонка в город, в Саранск уехала, бросила Мишку, который начал приставать к ней.

Его так и тянуло все время к этой деревенской девчонке. Но она нашла себе городского ухажера и ей уже не нужен стал, деревенский парень, каким оставался Мишка.

Колдовство и приворот имели свое действие, – и Миша часто приезжал в город – все тянуло его к той девушке. А она за городского ухажера замуж собралась. Миша нашел, где они проживали, и пришел к ней на квартиру, к своей «любимой», а там жених – ну, и подрались они. Вот в первый раз его посадили в тюрьму за драку эту.

Он отсидел 2 года и вновь приехал в свой поселок. Он узнал, что девушка уже замуж вышла, – но «приворот» тянул Мишу. И он опять пришел в городе на их квартиру, пока мужа не было, хотел «поговорить», как он думал. Но его «любимая» – дверь на цепочке открыла

и прогоняла его. Вдруг и муж сзади подошел, из магазина – вновь образовалась драка. Вновь его посадили на два года.

Но и в третий раз, – после освобождения Миша пошел к той «привороженной» девушке. Она не ожидала и открыла дверь. А он уже и про колдовство знал: он только с размаху влепил этой «любимой» пощечину, развернулся и ушел.

А она видимо обиделась сильно и написала в милицию заявление. И свидетелей подговорили соседку с верхнего этажа, которая действительно все видела. Но говорила соседка по научению «оскорбленной», во время следствия. Суд быстро состоялся. Соседка же на суде сменила свои показания. Может она деньги просила, а может Мишу пожалела. Сказала она правду, что не дрался Миша, а только пощечину отвесил.

На суде ему не поверили. Вышел в уголовный кодекс один указ: признавать «рецидивистом» за 2 и более одинаковых преступления. Судья признал Мишу Гаврилова – рецидивистом и дали ему срок 3 года и отправили в Сибирь.

Уж как над ним потешались охранники в тюрьме: все узнали, что он «за мороженый», «заколдованным» его называли. Ведь три раза он все ходил к той «любимой», надо же!

Вот и решил Миша остаться тут в Сибири, в одном из поселков. Работу он нашел в Леспромхозе, и все бы ничего, ему бы жить да жить потихоньку. Но тут – молодежь его подвела, местная.

Так как Миша был трижды судимый – то, несомненно, он пользовался среди местной молодежи (среди шпаны) авторитетом. А молодежь тогда, везде была шпанистой – воровали и пьянствовали.

Вот такая местная шпана, в поселке, где он проживал, – что-то там украли и пропивали «барыши». С ними и Миша тоже выпивал. Только он не вникал в подробности: выпили, и он ушел к себе домой. Но случился случай: один из этой «братвы», остальную «братию» пьяную обворовал, обобрал и укатил в город. После пьянки стали парни искать у кого что пропало.

Пришли они к Мише – совета спрашивать: что им сделать с тем воровом, который их обобрал.

Вот Миша и объяснил, что по тюремным понятиям у своих воруют только «крысятники», и таких в тюрьме бьют «смертным боем». Так и сказал, по «пьяной лавочке», – без бутылки к нему не пришли.

Ребята те, молодые, буквально поняли его слова. И поехали они, по его совету, – нашли того «крысятника» и избili его до смерти.

Конечно, милиция их всех нашла, их посадили под следствие. А они сказали на Мишу, – вот, мол, это он нас научил: он сказал так сделать. Теперь и Мише предъявили обвинение: в подстрекательстве к преступлению, к убийству. И к тому же, он «рецидивист», а это усугубляет вину....

Пока его закрыли в сарай Леспромхоза, в поселке, – Миша воспользовался этим и сбежал в тайгу. Нашел далекую заимку. А как всегда, там были продукты: крупа для каши, мука, соль и спички. Вот он и прожил неделю. Однако подхватил «лихорадку» какую-то, чуть не помер. Хорошо его спас охотник, вовремя пришедший на сезон.

Конец.

Человек по имени «Луна»

Когда в новой стране Советский Союз, в 1922 году, проводилась акция «Ликбез» еще много можно было встретить людей безграмотных, неумеющих читать и писать. Но в 1992 году встретить такого человека (!) – это было, не то что редкость, вообще, странное дело!

Но такой человек мне повстречался: ему было 48 лет и он не умел ни читать ни писать. Звали все Луна – прозвище такое.

Родился он в деревне, недалеко от села-райцентра Щучье. И таких деревень в колхозе было около десяти. Мать его умерла при родах, а отца у него никто не знал. Приютила его тётка, одинокая старушка, которая не дождалась с войны шестерых сыновей и мужа. Старушка – баба Люба сильно верующей была. А в Советском Союзе, в те времена, религия вовсе не приветствовалась. И в деревне тетку Любу не очень-то уважали. А работала она в колхозе на ферме. И «сынком» её с детства «коровам хвосты крутил». С малых лет с пастухами ходил. А как пришло время в школу пойти, тетка его непустила. До председателя, до райцентра в село Щучье далеко – 15 км. А в деревне маленькой школы не было, только ферма маленькая. И никому дела не было, что ходил наш Луна неграмотным пастушком. Он научился рисовать подпись, надо было ставить ее, когда зарплату получать начал. Числился в колхозе скотником на ферме.

Были в колхозе и лошади, около 15 штук. И в 16 лет, когда получил Луна паспорт, его к лошадям и определили, на работу в конюшню перевели. И стал Луна заправским конюхом и наездником.

Ферма находилась рядом с конюшней около маленькой речушки. Эта речка впадала в круглое озеро, провального типа. То есть давно, по легенде, было село Васильево и в один день оно провалилось, а на этом месте образовалось озеро, круглое и глубокое.

Деревня, где жил Луна, располагалась на пологом спуске к этой маленькой речке. На другом крутом берегу стоял фельдшерский пункт и почта и дом «правления» колхозный. Через поле небольшое, метров 800 от реки и недалеко от конюшни, начиналась сама деревня, носившая название Старая.

В этой деревне «Старая» было домов 30 – 35 всего, два ряда вдоль опушки леса. На той стороне, где жил Луна, сразу за огородами начинался густой лес. По этой стороне домов 10 вдоль лесной кромки и было, а дом тетки Любы был третьим снизу, от реки. Так что до конюшни Луне было рядом ходить.

Около конюшни была устроена небольшая «кузня», кузница. Там ковали не только подковы лошадям, но иногда ремонтировали комбайны и трактора.

С другой стороны деревни домов 15 – 18 поднимались от речки по пологому спуску, а за ними шли колхозные поля, перерезаемые оврагами, в которых росли черемушники. За черемухой ягодой, в те овраги, бегали все деревенские ребята.

Весной и осенью Луна с бабушкой Любой ходил заготавливать лозу. В оврагах росла ива – краснотал. Тонкие мягкие ветки, длинные и ровные, они срезали в охапки, и таскали домой, закинув вязанку за плечи. Потом из этого тальника баба Люба плела корзины. И Луна научился их плести: и круглые и овальные корзинки вся округа покупала у них, у Луны с бабой Любой.

Пенсия у бабы Любы была маленькая, 28 рублей, и жить им было трудно. Когда Луна начал работать в конюшне, тогда немного стало легче – хоть огород под картошку можно было лошадью вспахать. В огороде, кроме картошки, садили на грядках огурцы и помидоры, капусту и морковь, свеклу и лук, зелень. Так они и жили.

Все вроде бы ничего, жить можно. Но в юности приходит любовь. Так и Луна влюбился в одну из доярочек, молодую девушку Анну. Анюта была простая и разбитная, красивая, как все молодые, веселая девушка. Она легко общительная водила дружбу со всеми парнями в деревне. Но Луна сопровождал ее везде и всегда. Когда в клуб, который был напротив

конюшни построен, привозили кино – первый Луна узнавал, что за фильм, первый брал два билета, себе и Анюте.

А в сентябре, на уборку картофеля, в колхоз приезжали студенты из города. Это было в те советские времена как обяжаловка. И Анюта, в тот год, начала водиться с одним из городских парней. Тут у Луны, из ревности, случилась драка с приезжими студентами. Их было много, а Луна один – он взял в руки вилы, для защиты. И получилось, что проткнул он «обидчика» и убил его...

Был суд, и увезли Луну на 15 лет, за убийство в лагерь, в Свердловскую область – Севураллаг Тавдаспецлес. Он валил лес на лесоповале, работал на пилораме, катал бревна в раму на эстакадах и отбыл весь свой срок «от звонка до звонка», все 15 лет.

Уж сколько ему пришлось пережить, – известно Богу. Но, повзрослевший и умудренный, вернулся Луна в свой колхоз. Баба Люба уже умерла. Дом его стоял заколоченный досками крест-накрест. В райцентре Луна оформился по справке освобождения в свою родную деревню «Старая». Снова начал работать конюхом.

Но времена изменились. И молодежь была не такая как прежде, но вороватая и бандитская, это было в 1985 году – перестройка.

Не успел Луна увидеть «свободу», только- только отсидев 15 лет, вновь отправился за решетку. И случай, не чтоб интересный, но часто случавшийся в те перестроечные времена. Луна – это один случай.

Первую зарплату, после освобождения, Луна приехал получать в райцентр Щучье. И как водится, зашел в магазин, закупил продукты, взял также бутылку водки. Когда он положил продукты в телегу, водку держал еще в руках. Хотел было выпить сто граммов, пока поедет домой на телеге. И тут подошла молодежь – три подростка-переростка. Здоровые парнишки, вдруг, вырвали из рук бутылку водки и еще потребовали отдать им деньги.

Не видел Луна такой наглости, не стерпел и ввязался в драку с этими молодыми парнями. В телеге у него лежал кнут и Луна взял его в руки. А кнутом он с малолетства владел мастерски. И вот, взмахом кнута он сшиб с ног одного и другого нападающего. А последний хотел уже убежать, но Луна взмахнул кнутом так, что длинный конец кнута обмотался вокруг шеи бегущего человека. И за шею подтянул Луна этого парнишку, по земле волоча к себе. Так случилось, что у парня перехватило дыхание, обмотавшимся вокруг шеи кнутом, – и случился разрыв сердца от страха. Увидел Луна, что и те двое, которых он ранее ударил, еле шевелятся. Так и понял, что опять ему светит тюрьма. Действительно, один из парней умер, а у других перебиты были позвоночник и ребра. Это узнал он потом, во время следствия. А сразу в то время, Луна вскочил в телегу и помчался к себе в деревню.

Конечно, нашлось много свидетелей и вызвали милицию. А милиции было известно, что Луна ранее судимый за убийство, и сидел много, поэтому его объявили «особо опасным рецидивистом». И вызвали для поимки группу особого назначения. Это 20 человек вооруженных милиционеров приехали в деревню Старая. А там милиционера не видели уже долгое время. И тут, вдруг, целая армия – берут особо опасного преступника – кто же это, говорили местные жители: прямо чудо, откуда у нас «бандит»!?

В деревне все знали Луну, как хорошего паренька. Он с детства ходил на речку, на рыбалку, на лодке ездил по озеру с дядькой Егором, помогал сетки с рыбой вытаскивать. И работал Луна с 11-ти лет, возил навоз на телеге в колхозные поля. Сам лошадь запрягал пацан-малолетка. А осенью возил люцерну и горох в силосные ямы, колхоз заготавливал силос на корм скоту на зиму. И все знали корзинки, которые плел Луна для всей деревни и для других окрестных. И добрый был мальчишка, все так знали. У него за огородом сразу, начинался лес. На восемь километров тот лес тянулся до самого райцентра почти. А в лесу ягоды и грибы, которые Луна собирал вместе с деревенскими ребятами. Ранним летом земляника на полянках поспевала. В середине лета – была дикая малина по краям лесных оврагов. Осенью – поспевала

черника и грибы. Деревенские ходили в лес всегда вместе. Соседи, два – три дома собирались и шли в лес за ягодой или за грибами и Луна был всегда со всеми. И все знали его как хорошего человека.

А тут, вдруг, приехала армия милиционеров – отряд особого назначения – ОМОН, чтобы арестовать Луну. Он убежал сначала к конюшне. Там в сторожке у дядьки Егора – ружье охотничье и патроны в патронташе, которые Луна подвязал на пояс. Убежал Луна дальше уже на виду у милиции, на край деревни к реке и к лесу. Милиция кричали ему «стой» и стреляли в воздух. Не успел Луна до леса убежать, но спрятался в кустах у мостика через речку.

И Луна стрельнул в сторону «ОМОНа» дробовиком своим. Патроны то были охотничьи, на утку. Но омовцы испугались, залегли. Окружили место у моста и начали стрелять по кустам, где прятался Луна. Пока у Луны не кончились патроны, он все стрелял, никого не подпуская. Конечно, убить дробью он никого бы не смог, но до самого вечера держал всю милицию в напряжении. Почти вся деревня собралась, как зрители.

Когда же он поднял руки и сдался – накиннулись на него омовцы. Они стали бить его и ногами пинали, деревенские люди, заступаясь за Луну, кричали: «не надо», но свою злость омовцы выместили на бедном человеке. Полумертвого Луну отвезли в больницу: все ребра были переломаны, челюсть сломана и внутренности все отбиты. С трудом он выжил.

Суд приговорил Луну снова к 15-ти годам тюрьмы и признал рецидивистом: это означало, что одели его в полосатую робу и отвезли в зону особого режима. Так второй раз 15 лет Луна провел в тюрьме.

А встретились мы с ним после его освобождения, в Свердловской области, в далеком поселке, 200 километров от города Свердловск. Ехать Луне было некуда, последняя его родная тетка давно умерла. И я предложил ему поехать со мной на строительство и восстановление храма.

Строили и восстанавливали мы тот храм три года. А вечерами и в выходные дни я стал учителем «ликбеза». Луна учился с огромным терпением читать и писать. Научился он читать и по-церковнославянски. А когда храм был восстановлен он остался при нем жить и служить пономарем, стал помогать священнику отцу Владимиру в богослужении. Странное дело, но добрый и спокойный он был человек. И как же его могли признать «особенно опасным» – и посадили к мафиозникам в зону особого режима. Таково наше правосудие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.